

Зоологическій элементъ въ средѣ современной интеллигенціи.

М Арцыбашевъ: Санинъ. Первая тысяча. 1908.

Удивительно быстрые успѣхи дѣлаетъ наша беллетристика. Еще какъ недавно М. Горькій искалъ человѣка въ подонкахъ нашего общества и нашелъ таки его, воспѣвъ въ заключеніе счастливой находки гимнъ „человѣку“. Г. Арцыбашеву пришла не менѣе счастливая мысль поискать въ средѣ нашей интеллигенціи, нашей надежды и людей будущаго—обезьянъ, кобылъ и т. под. животныхъ и онъ нашелъ ихъ, представивъ публикѣ нѣсколько типовъ своей находки.

Фабула произведенія г. Арцыбашева очень простая. Въ губернской городѣ лѣтомъ прибыло нѣсколько молодыхъ людей—студентовъ, въ числѣ ихъ главный герой Владиміръ Санинъ.—Прибывшіе въ довольно тѣсномъ кружкѣ родныхъ и знакомыхъ изъ мѣстной интеллигенціи погуляли, поухаживали за дѣвцами, поговорили, поскандальничали... нѣкоторые померли, другіе остались на мѣстѣ переживать непріятныя послѣдствія своихъ каникулярныхъ походовъ, а главный герой бѣжалъ, не видя успѣха своей миссіи. Вотъ и все.

Но интересъ—не въ фабулѣ, а въ типахъ, ихъ фигурахъ, монологахъ, дебатахъ и дѣйствіяхъ. Все это—молодые люди обоихъ половъ. Стариковъ, пожилыхъ, и въ особенности дѣтей почти не коснулась рука художника, какъ будто ихъ не было въ губернскомъ городѣ. Только матери героя и одной изъ главныхъ героинь—Лиды художникъ удѣлилъ нѣсколько штриховъ, напр: „Онъ (Санинъ) смотрѣлъ на мать и въ первый разъ сознательно замѣтилъ, какое у нея тупое и ничтожное выраженіе глазъ, и какъ нелѣпо торчитъ на головѣ

всхоленная какъ куриный гребень, наколка“. „Марья Ивановна молчала и смотрѣла на Санина во всѣ глаза, а куриный гребень еще нелѣпѣе хохлился у нея на головѣ“ (стр. 209).

Да, художника интересуютъ только молодые люди. Если внимательнѣе прислушаться къ ихъ сужденіямъ, то старики и дѣти, строго говоря, совсѣмъ и не нужны ни для кого. Они или портятъ счастье молодыхъ своими предрасудками, или представляютъ прескучный, грязный и никому не нужный балластъ.

Жизнь бьетъ ключемъ только въ молодыхъ интеллигентныхъ и неинтеллигентныхъ людяхъ. Каковы же эти люди?

Всѣхъ молодыхъ людей г. Арцыбашева тяготитъ повиднимо одно непреложное убѣжденіе, что всѣ люди—животные. Что всѣ женщины, включая сюда и интеллигентныхъ героинь, въ которыхъ нѣкоторые и влюблены,—самки, это всеобщее убѣжденіе. „Женщина—самка и это—прежде всего—поучаетъ Ивановъ;—среди мужчинъ хоть одного на тысячу еще можно найти такого, который заслужилъ названіе человѣка... а женщины... ни одной между ними! Голыя, розовыя, жирныя, безхвостыя обезьяны, вотъ и все“.

— Оригинально сказано! — съ удовольствіемъ замѣтилъ фонъ-Рейцъ.

— И правда!—горько подумалъ Новиковъ“. (стр. 131).

Повиднимоу, слѣдовало бы изъ этого общаго приговора сдѣлать исключеніе для Лиды—весьма интеллигентной дѣвушки. Г. Арцыбашевъ между прочимъ такъ изображаетъ ея настроеніе послѣ несчастнаго ея увлеченія Зарудинымъ: „Рядъ прочитанныхъ книгъ, рядъ великихъ и свободныхъ идей прошли сквозь ея мозгъ, и она видѣла, что постушокъ ея былъ не только естественъ, но даже хорошъ. Онъ не причинялъ никому зла, а ей и другому человѣку далъ наслажденіе. И безъ этого наслажденія у нея не было-бы молодости, и жизнь была бы уныла, какъ дерево осенью, когда облетятъ всѣ листья. Мысль о томъ, что религія не освятила ея союза съ мужчиной была ей смѣшна, и всѣ устои этой мысли были давно источены и разрушены свободной человѣческой мыслью. Выходило такъ, что она должна была бы радоваться, какъ радуется цвѣтокъ, въ солнечное утро опылившійся новой жизнью, а она страдала и чувствовала себя на днѣ пропасти,

ниже всѣхъ людей. И какъ ни звала она великія идеи и непоколебимыя истины, передъ завтрашнимъ днемъ позора онѣ таяли, какъ таетъ воскъ отъ огня. И вмѣсто того, чтобы *встать ногою на шею людямъ*, которыхъ она презирала за тупость и ограниченность ихъ, Лида думала только о томъ, чтобы спастись и обмануть ихъ“ (стр. 175).

Казалось бы для такой женщины слѣдовало сдѣлать исключеніе. Но и герой Санинъ, ея братъ, не сдѣлалъ для нея исключенія: онъ видѣлъ въ ней очень красивую, но глуповатую самку, да и самъ г. Арцыбашевъ отмѣтилъ какъ главное ея качество, что она переваливалась тѣломъ своимъ какъ „молодая красивая, кобыла“, и связь ея съ офицеромъ Зарудинымъ освѣтилъ, какъ связь „съ молодымъ горячимъ жеребцомъ“.

Итакъ, всѣ женщины, даже и интеллигентныя дѣвушки, или безхвостыя самки, или красивыя кобылы....

Ну, а каковы мужчины? Мужчины—еще хуже. Въ напр. психика Зарудина: „На первыхъ порахъ она (Лидія) казалась ему такой умной, такой не похожей на всѣхъ тѣхъ дѣвушекъ и женщинъ, лаская которыхъ онъ горделиво сознавалъ свое превосходство, такой гордой, что обнимая ее, онъ *замиралъ*, точно ожидая получить пощечину (!)... Но послѣ сегодняшняго обѣщанія... онъ вдругъ почувствовалъ свою силу.. И къ сладкому томительному чувству сладострастнаго ожиданія тонко и бессознательно сталъ примѣшиваться отѣнокъ злорадности, что это *гордая, умная, чистая и начитанная* дѣвушка будетъ лежать подъ нимъ какъ и всякая другая и онъ также будетъ дѣлать съ нею, что захочетъ, какъ и со всѣми другими..... Онъ вдругъ ясно увидѣлъ ее на полу, услышалъ свистъ хлыста, увидѣлъ розовую полосу на голомъ нѣжномъ покорномъ тѣлѣ и, водрогнувъ, пошатнулся отъ удара крови въ голову... Было далѣе физически невыносимо думать объ этомъ. Зарудинъ дрожащими пальцами закурилъ папиросу, еще разъ дрогнувъ на сильныхъ ногахъ и пошелъ въ комнаты“.

— И везетъ же вотъ такимъ животнымъ! — подумалъ Санинъ.—Чертъ знаетъ, что такое. Лида и онъ! (стр. 24—25).“

Другое животное—пріѣзжій изъ Петербурга милліонеръ Волюшинъ еще сладострастнѣе. „Распущенное человѣческое тѣло, какъ остріе обнаженнаго нерва, до боли обточенное почти

насильственными наслажденіями, мучительно отзывалось на самое слово „женщина“. Неизмѣнно голая, неизмѣнно возможная, она стояла передъ Волошинымъ во всѣ мгновенія его жизни и каждое женское платье обтянутое на гибкомъ, кругло полномъ тѣлѣ самки возбуждало его до болѣзненной дрожи въ колѣнахъ“. (стр. 200).

Но это отрицательные типы — порожденія существующаго уклада — офицерской и буржуазной среды.

Фигурирующие въ разсказѣ интеллигенты пытаются между другими огромными вопросами рѣшить и вопросъ о борьбѣ съ животными инстинктами. Толстовецъ фонъ-Дейцъ убѣжденъ, что единственное спасеніе въ христіанствѣ. Художникъ—философъ Юрій Сварожичъ рѣшительно заявляетъ, что христіанство оказалось совершенно безсильнымъ въ борьбѣ съ животными инстинктами (стр. 183); у христіанства нѣтъ будущаго..... Въмѣсто него Юрій пытался измыслить какое то новое міросозерцаніе, но въ безплодной попыткѣ—застрѣлился.

Рѣшителемъ вопроса явился Владиміръ Санинъ. Что это за типъ?

Въ качествѣ главнаго героя разсказа онъ обрисованъ довольно полно, даже и съ внѣшней стороны.

По внѣшности, это—„высокая свѣтловолосая и плечистая фигура съ спокойнымъ и чуть-чуть въ однихъ только уголкахъ губъ насмѣшливымъ выраженіемъ лица, (въ 'которомъ) не замѣтно ни усталости, ни утомленія. Мускулы у него „какъ желѣзо“, руки „стальные“ (стр. 299.) Женщины, которыхъ ему приходилось обнимать, не исключая и родной сестры Лиды, смущались и вздрагивали, точно „почувствовавъ приближеніе звѣря“ (стр. 5). Аппетитъ и сонъ — изумительны: Санинъ ѣстъ и пьетъ пива и вина больше всѣхъ и никогда не напивается пьянъ, напротивъ — „пьяный становится добрѣе“ (стр. 49.) Въ одеждѣ Санинъ до нельзя простъ, даже и на городскомъ бульварѣ прогуливается „безъ шапки въ своей широкой но уже позеленѣвшей на плечахъ рубахѣ. Силища у него страшная: однимъ ударомъ кулака онъ такъ ранилъ Зарудина, молодаго и здороваго офицера, какъ можно ранить развѣ только здоровенной дубиной (стр. 334, 335). Цѣлая толпа — ничто для нашего богатыря....

Санинъ—очень умный человѣкъ: во всякихъ разговорахъ, диспутахъ послѣднее слово остается за нимъ. Всѣ въ срав-

неніи съ нимъ слабы и глупы. Г. Арцыбашевъ влагааетъ въ уста нашего героя цѣлые монологи на возвышенныя темы о Богѣ, о христіанствѣ, о женщинахъ, о міросозерцаніи. И эти темы разрѣшаются у него донельзя просто и ясно.

Что такое міросозерцаніе? „Міросозерцаніе—поучаетъ нашъ герой—даетъ сама жизнь, во всемъ ея объемѣ, въ которомъ литература и *самая мысль человѣческая*—только *ничтожная частица*. Міросозерцаніе—не теорія жизни, а только *настрое-ніе* отдѣльной человѣческой личности и при томъ до тѣхъ поръ измѣняющееся, пока у человѣка еще жива душа“ (стр. 195). „Я знаю одно: я вижу и хочу, чтобы *жизнь не была для меня мученіемъ*... Для этого надо прежде всего удовлетворять свои естественныя желанія... *Желаніе—это все*: когда въ человѣкѣ умираютъ желанія, умираетъ и его жизнь, а когда онъ убиваетъ желанія, убиваетъ себя“.

— Но желанія могутъ быть злыми?

— Можетъ быть.

— Тогда какъ?

— Также,—ласково отвѣтилъ Санинъ и посмотрѣлъ въ лицо Юрію свѣтлыми немигающими глазами“ (стр. 94—95).

Читателю интересно, конечно, знать, какимъ путемъ Санинъ дошелъ до такого міросозерцанія? Г. Арцыбашевъ, хотя и кратко, но удовлетворяетъ это желаніе. „То самое важное въ жизни время—такъ начинается рассказъ—когда подъ вліяніемъ первыхъ столкновеній съ людьми и природой, слагается характеръ, Владиміръ Санинъ прожилъ *внѣ семьи*. Никто не слѣдилъ за нимъ, ничья рука не гнула его и душа этого человѣка сложилась свободно и *своеобразно*, какъ дерево въ полѣ“ (стр. 1).

На вопросъ матери: „ну расскажи, какъ ты тамъ жилъ, что дѣлалъ?—Санинъ отвѣчалъ: Что дѣлалъ?... чтожь?... пилъ ѣлъ, спалъ, иногда работалъ, иногда ничего не дѣлалъ“ (стр. 2).

Въ чемъ состояла эта работа—неизвѣстно. Но несомнѣнно, что Санинъ былъ студентомъ и перечиталъ „сстни книгъ отъ Экклезіаста до Маркса“ (стр. 195), хотя чтеніе повидимому не было у него любимымъ занятіемъ. Въ рассказѣ упоминается только однажды, что Санинъ вздумалъ на ночь почитать „такъ говорилъ Заратустра“.—которую нашель у Лиды, но съ первыхъ же страницъ ему стало досадно и скучно. Напы-

щенные образы не трогали его души. Онъ плюнулъ и, бросивъ книгу, моментально заснулъ“. (стр. 28).

„Такъ свободно и своеобразно сложилась душа этого человѣка!“—Что свободно—это можетъ быть и правда: но что же тутъ своеобразнаго, напр. по сравненію съ Зарудинымъ и Волошинымъ? Вѣдь и у нихъ желанія—все?... А между тѣмъ они—животныя, а Санинъ—почему то человѣкъ. Это недоумѣніе особенно бросается въ глаза при характеристикѣ отношеній Санина къ женщинамъ: онъ охотился за ними совершенно такъ же, какъ и Зарудинъ напимѣрь,.. да что Зарудинъ, даже хуже,—взглядъ его на этотъ предметъ упростился до послѣдней крайности. Для него женщина даже менѣе чѣмъ самка, не исключая и родной сестры. Это просто—предметъ извѣстнаго спеціальнаго наслажденія, какъ и мужчина для женщины. Въ этомъ заключается вся суть рѣшенія вопроса о счастіи. Сладострастіе, если и ведетъ иногда къ бѣдѣ, то не само по себѣ, а по людской глупости (стр. 276). „Вотъ что ты беременна—поучаетъ онъ сестру—это скверно. Скверно во 1-хъ потому, что рожать младенцевъ—дѣло самое прескучное, грязное, мучительное и безмысленное, а во 2-хъ потому, что люди тебя замучаютъ... Я бы тебѣ сказалъ, что надо дѣлать, но ты слишкомъ слаба и глупа для этого... У тебя не хватитъ ни дерзости, ни смѣлости... а въ томъ, что ты ставишь его между собою и жизнью, и думаешь, что за нимъ уже нѣтъ ничего... ты боишься и боишься не тѣхъ людей, которые тебя не знаютъ, а которые тебя знаютъ и любятъ и для которыхъ твое „паденіе“ потому только, что оно произведено не на брачной кровати, а *гдѣ нибудь въ лѣсу, на травѣ что ли*, будетъ ужаснымъ ударомъ“...

„Странное чувство было въ Лидѣ: сначала острый стыдъ, такой стыдъ, точно ее всю раздѣли до нага и рылись грубыми пальцами въ самыхъ тайникахъ ея тѣла. Ей было страшно взглянуть *на брата*, чтобы они оба не умерли отъ стыда. Но сѣрые глаза Санина не мигали, смотрѣли ясно и твердо“ (стр. 151).

Этотъ упрощенный взглядъ на женщину Санинъ оправдалъ самымъ фактомъ грубаго изнасилованія Карсавиной. Фактъ описанъ детально, стилемъ полицейскаго протокола. „Пустите ради Бога!.. Что вы?.. задыхающимся шопотомъ проговорила Карсавина послѣ мгновеннаго жуткаго молчанія,

отрывая его *стальные* руки. Но Санинъ съ силой, почти раздавливая ея упругую грудь, прижалъ дѣвушку къ себѣ и ей стало душно“ (стр. 305).

Кончилъ свои похождения нашъ герой какъ то странно. Внезапно пришло ему желаніе оставить родной домъ и городъ и ѣхать куда глаза глядятъ. Не простясь съ матерью и сестрой, въ сопровожденіи своего друга Иванова онъ сѣлъ на первый поѣздъ, отправлявшійся вечеромъ. Ночь въ поѣздѣ ему что то не спалось, передъ разсвѣтомъ онъ вышелъ на площадку вагона и на всемъ ходу бросился съ поѣзда.

„Съ грохотомъ и свистомъ промелькнулъ мимо поѣздъ: земля выскочила изъ подъ ногъ, и Санинъ упалъ на мокрый песокъ насыпи. Красный задній фонарь былъ уже далеко. когда Санинъ поднялся, смѣясь самъ себѣ:

— И то хорошо! Сказалъ онъ громко съ наслажденіемъ издавъ свободный, громній крикъ“.

„Санинъ дышалъ легко и веселыми глазами смотрѣлъ въ безконечную даль земли, широкими сильными шагами уходя все дальше и дальше, къ свѣтлому и радостному сіянію зари. И когда степь, пробудившись *вспыхнула* земными и голубыми *далями*, *одѣлась* необъятнымъ куполомъ неба и, прямо противъ Санина, искрясь и сверкая, взошло солнце, казалось, что Санинъ идетъ ему на встрѣчу“ (стр. 342).

Этими словами и оканчивается произведеніе г. Арцыбашева.

Было бы, конечно, весьма послѣдовательно закончить рассказъ не такими художественными претензіями, а болѣе естественно, напр. такъ, что Санинъ сломалъ себѣ шею, ногу или что нибудь въ этомъ родѣ и отъ боли заоралъ благимъ матомъ на всю степь... Такой конецъ былъ бы вполне достоинъ этого „свободно и своеобразно сложившагося человека“, т. е. выработавшаго въ себѣ сильнаго и наглого животнаго, вытравившаго изъ себя, и вытравливающаго изъ другихъ вѣчно моральное и эстетическое чувство и отношеніе хотя бы только къ матери и своей красивой и интеллигентной родной сестрѣ. Рассказъ вышелъ бы по крайней мѣрѣ выдержаннымъ, хотя и грубо несправедливымъ памфлетомъ по адресу нашей русской интеллигенціи.

Но бѣда г. Арцыбашева въ томъ и состоитъ, что онъ, повидимому, вовсе не хотѣлъ писать памфлета, а надумалъ изобразить реальность, подкрашенную идеаломъ—Санинымъ.

Санинъ—не наглое животное, какимъ онъ въ дѣйствительности вышелъ изъ подъ кисти художника, а положительный типъ „новаго человѣка“, призваннаго обновить человѣчество. За это говоритъ эпиграфъ разсказа: „Только это нашелъ я, что Богъ создалъ человѣка правымъ, а люди пустились во многіе помыслы“ (Екклез. VII, 23). За это же говоритъ и финалъ разсказа, облекшій глупость героя въ какой то поэтической прыжокъ, привѣтствованный зарей и солнцемъ. Санинъ и есть правый человѣкъ, какого создаетъ Богъ или природа; проще говоря: „се левъ, а не собака“. Въ намѣреніи художника было создать Аполлона, въ дѣйствительности вышла обезьяна ....не важной породы.

Разсказъ изданъ отдѣльной книжкой съ помѣтою: „первая тысяча, 1908“. Авторъ, очевидно, предполагаетъ, что потребуются и вторая тысяча. Неужели онъ не ошибется въ своихъ расчетахъ? Тогда будетъ стыдно за русскую публику. Намъ думается, что по крайней мѣрѣ наша молодежь должна отозваться самымъ рѣшительнымъ бойкотомъ такъ изобразившему ее художнику.

Н. Заозерскій.
